

ПОЛОВЫЕ, ГЕНДЕРНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ МОРАЛЬНОЙ ДИЛЕММЫ

© 2004 г. В. В. Знаков

Доктор психол. наук, профессор, зам. директора ИП РАН, Москва

Представлены результаты теоретического и экспериментального анализа половых, гендерных и личностных различий в понимании ситуации морального выбора Л. Колберга. В первой серии экспериментов на выборке из 277 испытуемых была доказана высокая внутренняя согласованность шкал русской версии опросника С. Бем на измерение гендерной идентичности. Во второй серии (410 испытуемых) обнаружено, что средние показатели фемининности у 213 женщин значительно превысили те же показатели у 197 испытуемых в мужской выборке, но различия по шкале маскулинности у женщин и мужчин оказались не значимыми. Тем не менее статистически обосновано, что маскулинность является преимущественно (но не исключительно) мужским качеством, а фемининность женским. В третьей серии (212 испытуемых) лишь частично подтверждены выдвинутые в исследовании гипотезы. Эксперименты не выявили количественных различий в ответах на вопросы к тексту, но показали многообразие видов понимания моральной дилеммы. Мужчины и женщины, маскулинные и фемининные субъекты, люди с низкими и высокими показателями по шкале макиавеллизма, с высокой и низкой самооценкой нравственных качеств личности совершенно по-разному объясняют причины формально одинаковых ответов.

Ключевые слова: понимание, ситуация, моральная дилемма, пол, гендер, маскулинность, фемининность, макиавеллизм

Проблема сходства и различий в психологии мужчин и женщин является предметом размышлений уже нескольких поколений ученых: о ней писали Ф. Ницше, О. Вайнингер, Н.А. Бердяев и другие мыслители. К концу XX века в психологической науке сформировались два взаимосвязанных, но не тождественных направления исследований – психология половых различий [6, 14, 25] и гендерная психология [2, 23].

В первом направлении классической является работа Э.Э. Маккоби и К.Н. Джэклин. Ее авторы проделали большую работу и в результате факторного анализа результатов исследований, проведенных многими психологами, пришли к выводу о том, что о достоверных различиях в психологических характеристиках мальчиков и девочек, мужчин и женщин можно говорить лишь применительно к четырем группам свойств: 1. Девочки и женщины превосходят мальчиков и мужчин по вербальным способностям. 2. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по пространственным способностям. 3. Мальчики и мужчины превосходят девочек и женщин по математическим способностям. 4. Мальчики и мужчины более агрессивны, чем девочки и женщины [26].

В 1990 г. Г. Крампен с коллегами, анализируя накопленные к этому времени данные о половых различиях, добавил еще два свойства: у девочек и женщин выше уровень тревожности, чем у маль-

чиков и мужчин; у женщин выше показатели нейротизма и субъективных (психосоматических) расстройств. Кроме того, литературные данные указывают также на некоторые тенденции в половых различиях. Они относятся к таким чертам личности, как: локус контроля (у женщин он в большей степени внешний, чем внутренний, у мужчин – наоборот); макиавеллизм (у мужчин показатели выше), а также некоторые аспекты мотивации достижения (например, женщины демонстрируют более высокие оценки ожидания неудачи) [24].

Представители гендерного подхода склонны рассматривать психологические характеристики таким образом, как будто они в ничтожно малой степени подвержены влиянию такой независимой переменной, как пол. Гораздо более значимыми для раскрытия психологических механизмов познания и общения специалисты по гендерной психологии считают определение таких характеристик человека, как маскулинность и фемининность. Развернутый анализ и детальная социально-психологическая интерпретация содержания конструкта маскулинности-фемининности представлены в работе В.А. Лабунской. Она выделяет восемь параметров (нивелирование индивидуальных различий, унификация поведения в пределах заданной этносоциальной группы; варьирование в зависимости от этнокультурной и социально-психологи-

ческой среды и т.п.), описание которых в совокупности образует определение обсуждаемого феномена. “Из данного определения фемининности-маскулинности следует, что эти конструкты не связаны напрямую с биологическим полом, что они являются не только социокультурными, но и социально-психологическими явлениями, фиксирующими психотип мужского и женского поведения в пределах одной гендерной роли” [17, с. 108]. Далее Лабунская делает весьма радикальное утверждение: “Но мы присоединяемся к тем исследователям, которые выказывают пренебрежительное отношение к фактору пола как к неспецифической переменной и малозначимой с точки зрения основных трактовок предметного поля социальной психологии. Мы согласны с ними и считаем, что гендерный фактор, представленный сквозь призму трактовки фемининности-маскулинности, – это наиболее перспективный путь понимания детерминации феноменов социальной психологии, это наиболее возможный аспект включения фактора пола в контекст социальной психологии” [там же, с. 109].

Таким образом, отношения между гендерной психологией и психологией половых различий сложны и неоднозначны: далеко не всегда предметную область одной дисциплины можно легко отличить от предмета другой. По моему мнению, наиболее простым и точным критерием отличия одной области психологической науки от другой является тип эксперимента, проводимого в них психологами.

Один тип: мы берем группу испытуемых и изучаем у каждого из них особенности памяти, внимания, тревожности, агрессивности – что угодно. Затем делим выборку на подгруппы мужчин и женщин, после чего начинаем анализировать, чем у них различаются отмеченные психологические признаки. В этом случае в эксперименте исследуются только половые различия между людьми. Именно такой тип эксперимента я проводил при изучении различий в понимании мужчинами и женщинами неправды, лжи и обмана [10].

Принципиально другой тип эксперимента, другие переменные представлены в гендерных исследованиях. Современные гендерные исследования характеризуются тремя основными отличительными признаками.

1. Группы испытуемых разделяют по половому, биологическому признаку на женщин и мужчин.

2. Изучаются ролевые позиции, которые люди, независимо от биологического пола, занимают в общении. Роли могут быть маскулинными, фемининными и андрогинными (смешанными). Андрогиния предполагает, что, взаимодействуя с другими, человек может принимать на себя и ти-

пично мужские, и типично женские социальные роли.

3. Различие в ценностных ориентациях, направленность на несколько отличающиеся системы ценностей. В фемининных ценностях более значимыми считаются ценности любви, семьи, человеческих отношений. В маскулинных – независимость, социальная успешность, высокий уровень достижений. Признание субъективно и объективно более значимыми маскулинных или фемининных ценностей также может быть напрямую не связано с биологическим полом.

Я полагаю, что различение двух типов экспериментальных процедур дает возможность ясно понять, что изучал психолог: половые особенности психологии испытуемых или гендерные.

Однако ученым не следует забывать, что половые и тем более гендерные различия в психологии людей (гораздо сложнее обнаруживаемые в экспериментах) по разным причинам могут не проявляться в некоторых познавательных и коммуникативных ситуациях. “Важно отдавать себе отчет в том, что пол – это лишь одно из множества индивидуальных различий. Примерами других различий могут служить возраст, интеллект, культура и социальный класс. Возможно, эти различия существенно взаимодействуют друг с другом, оказывая влияние на индивидуальное поведение и на установки по отношению к технологиям. Поэтому необходимо осознавать, что попытки рассмотрения исключительно пола в изоляции от ряда других индивидуальных различий могут оказаться слишком сильным упрощением” [19, с. 281].

Важнейшими причинами нивелирования (уничтожения, сглаживания различий [3, с. 649]) поведенческих проявлений психологии мужчин и женщин, а также маскулинных и фемининных субъектов оказываются социальные, культурные, этнические и другие особенности людей, живущих в разных странах. Еще из исследований М. Мид, проводившихся в первой половине прошлого века, известно, что полоролевое поведение имеет природные предпосылки: совокупность генетических, морфологических и физиологических признаков, на основании которых различаются мужской и женский пол. Однако условия жизни и воспитания могут либо акцентировать внимание на полоролевых стереотипах, либо, наоборот, подавлять их.

Научные исследования, проводимые в разных странах, показывают, что в современном высокотехнологичном обществе особенно живучими оказываются стереотипы, относящиеся к традиционно мужским сферам профессиональной деятельности, например, типа “человек – техника”. И что особенно любопытно, – носителями таких стереотипов в западном мире чаще всего становятся женщины. В частности, это распространя-

ется на компьютерные технологии: “Половые стереотипы, выявленные ранее на школьной популяции, на этой группе проявились еще четче. В этом исследовании выявился один любопытный фактор: юноши оценивают свою компетентность в применении компьютеров выше, чем девушки с примерно таким же опытом взаимодействия с компьютерами.

Такая недооценка девушками своей компетентности находит подтверждение и в других исследованиях. Например, ученые, поставившие задачу выяснить субъективные предпочтения мужчин и женщин, сообщают о том, что в точных науках женщин вообще гораздо меньше, чем мужчин. Особенно явно это прослеживается в так называемых “тяжелых” науках, например, в физике. Соотношение полов уравновешено в биологии и в химии, и хотя в этих областях женщины показывают лучшие результаты, чем мужчины, но свою успешность они оценивают ниже, чем мужчины, во всех без исключения областях науки. И в последующих исследованиях, в которых изучались субъективные предпочтения учащихся, было показано, что как юноши, так и девушки относят обучение физике и технологиям к преимущественно мужской сфере интересов” [19, с. 277].

Отсутствие реальных половых различий при парадоксальном сохранении стереотипов половых ролей чаще всего наблюдается там, где мужчины и женщины исполняют одни и те же функции, делают одинаковую работу. Так обстоит дело в современном менеджменте (см., например, [13, с. 84–85].

Иногда внешние обстоятельства требуют от женщин стремиться к большему, чем обычно, проявлению маскулинных качеств личности. Примером может служить включение женщин в традиционные “мужские игры”: соперничество, конкурентную борьбу, стремление к успеху на работе или в спортивных достижениях. История человечества показывает, что армия и война всегда были главной “кузницей маскулинности”. И когда в боевые армейские подразделения вступают женщины, то обстоятельства способствуют их маскулинизации. В яркой художественной форме этот процесс показан в фильме режиссера Р. Скотта “Солдат Джейн” с Д. Мур в главной роли.

Труднее обнаружить сферы человеческого бытия, способствующие феминизации мужчин. Возможно (хотя я не знаю соответствующих исследований, но они могли бы быть весьма любопытны), что повышению уровня фемининных качеств у них способствует, в частности, профессия актера. Например, спектакли, в которых мужчины играют женские роли: “Служанки” Р. Виктюка, японский театр “кабуки” и др.

Не только половые различия, но и маскулинность и фемининность субъектов общения в не-

которых условиях не оказывают существенного влияния на специфику понимания ими коммуникативных и познавательных ситуаций. Гендерная идентичность не является устойчивой личностной чертой и в разные периоды онтогенеза зависит от совокупности многих переменных. “Содержание конструкторов маскулинности-фемининности изменяется под влиянием культурного, когортного и гендерного факторов” [4, с. 5]. Обобщенно говоря, следует признать, что в некоторых случаях вполне разумно допустить отсутствие значимых различий между фемининностью и маскулинностью не у одного человека, а у целых групп людей. При этом психолог, как будет показано ниже на эмпирическом материале, сталкивается с серьезными трудностями в выявлении гендерных различий между людьми, например, по-разному понимающими конфликтную ситуацию.

Значимым “маскировочным фактором”, препятствующим выявлению половых и/или гендерных различий в психологических исследованиях, является генерализованный, очень сходный смысл, приписываемый некоторым понятиям большинством носителей языка. Такой смысл внутри культурной общности людей перекрывает индивидуальные, половые, гендерные и другие различия в понимании понятий. Вместе с тем генерализация не устраняет при этом кросс-культурных различий в понимании. Проиллюстрирую подобное понимание на примере наиболее распространенной интерпретации смысла коммуникативных феноменов “агрессия”, “высказывание правды – сокрытие лжи” в русской и западной науке и культуре.

В современной России исследования агрессивного поведения людей, его социальных и психологических корней, имеют не только теоретическое, но прежде всего практическое значение. Причины повышенного интереса к феномену агрессии настолько очевидны, что не требуют дополнительного объяснения. Неудивительно, что российские ученые активно занимаются исследованием этой проблемы: в материалах III Всероссийского съезда психологов я обнаружил 224 публикации, авторы которых так или иначе обсуждают тему агрессивного поведения [7]. Однако вот что характерно: и психологи, и словари русского языка толкуют агрессию исключительно в негативном ключе – как слова и действия одних людей, выражающих враждебность и неприязнь по отношению к другим [3, с. 28; 21, с. 19].

В отечественной психологии агрессия рассматривается как “целенаправленное деструктивное поведение, противоречащее нормам и правилам сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический вред людям или вызывающее у них отрицательные пе-

реживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.д. Агрессия объединяет такие разнообразные акты поведения, как злые шутки, сплетни, враждебные фантазии, деструктивные формы поведения, вплоть до убийств и самоубийств” [15, с. 8].

Иное, более широкое и менее категорически негативное значение, имеет обсуждаемое понятие в западной психологической литературе. “Обычно оно применяется для обозначения таких действий, которые предположительно могут быть мотивированы: а) страхом или фрустрацией; б) желанием вызвать страх у других или побудить их к спасению бегством; в) стремлением осуществить свои планы или интересы” [27, с. 18].

Один из основателей гуманистической психологии, идейный лидер ее экзистенциальной ветви Ролло Мэй предпринял попытку переосмысления феномена агрессии с позиций человеческого существования: “силы быть”, самоутверждения, отставания себя. Употребляя термин “конструктивная агрессия”, он отмечает, что развитие современного технологического рыночного общества невозможно без конкуренции. Конкуренцию, основанную на соперничестве, соревновании, нельзя представить без некоторых проявлений агрессивности: последняя оказывается неотъемлемой составляющей полноценного человеческого существования [20, с. 184].

Разумеется, большинство людей и у нас, и на Западе с моральным осуждением относятся к открытым поведенческим проявлениям физической и вербальной агрессии. Вместе с тем, как подчеркивает И. Гофман, для эффективного повседневного общения в англо-американском обществе любому субъекту необходимо обладать приемами “тонкой агрессивной тактики”. Совокупность поведенческих навыков, из которых формируются такие приемы, реализуется в самых разнообразных сферах человеческого бытия. Он иллюстрирует это примерами поведения официантки при обслуживании клиента, учителя в отношениях с учениками и другими [5, с. 42–43].

Таким образом, очевидно, что западное понимание поведенческих проявлений агрессии отличается от нашего. Вместе с тем очевидно и то, что генерализованные социокультурные значения обсуждаемого понятия в разных странах являются такими мощными факторами воздействия на мировоззрение людей, что психологам, по меньшей мере, наивно надеяться на обнаружение существенных различий мужского и женского, а также маскулинного и фемининного понимания сущности агрессии.

Приведу еще один пример, относящийся к этике отношений субъектов общения. Осуществляя русскоязычную адаптацию методики исследования макиавеллизма личности, я столкнулся с та-

ким затруднением. По ответам на пункт опросника “Нельзя простить человека, лгущего другому” оказалось невозможно дифференцировать мнения российских испытуемых: подавляющее большинство из 195 и мужчин, и женщин с этим не согласны. Между тем для западных психологов это “работающий вопрос”: одни испытуемые согласны со сформулированным в нем утверждением, другие – нет. Мировоззренческим основанием фундаментальных различий в неодинаковой интерпретации лжи как коммуникативного феномена является неоднократно описанное западное морально-правовое и русское субъективно-нравственное его понимание [11].

Социокультурные различия имеют такой фундаментальный и обобщенный характер, что включают в себя в форме частных случаев личностные, возрастные, половые, гендерные и многие другие проявления человека как представителя общества и государства. Неудивительно, что психологи нередко испытывают серьезные трудности, связанные с определением влияния пола и гендера на поведение людей, понимание ими познавательных и коммуникативных ситуаций.

Ниже описано эмпирическое исследование понимания российскими испытуемыми одной из моральных дилемм известного американского психолога Л. Колберга. По типам понимания ситуации морального выбора американские психологи могут вполне удовлетворительно дифференцировать своих испытуемых в соответствии с их личностными, половыми, гендерными и другими особенностями.

Одна цель исследования заключалась в том, чтобы показать, что российские испытуемые в отличие от американцев понимают дилемму однозначно и единообразно. Другая цель – попытаться обнаружить индивидуальные и типологические различия в понимании моральной дилеммы мужчинами и женщинами, а также фемининными и маскулинными субъектами с неодинаковыми свойствами личности.

Были сформулированы три основные гипотезы.

1. Существуют половые и гендерные различия в понимании морально предосудительных поступков (лжи и сокрытия правды): женщины и фемининные субъекты проявят большее, чем мужчины и маскулинные испытуемые, стремление к честному поведению.

2. Субъекты с высокими показателями по шкале макиавеллизма при понимании дилеммы в большей степени будут оправдывать ложь.

3. Субъекты с высокой самооценкой нравственных качеств личности при понимании ситуации морального выбора будут говорить, что на месте героя они не стали бы скрывать ложь и открыли правду.

МЕТОДИКА

Прежде чем изучать психологические особенности понимания моральной дилеммы, были проведены две предварительные серии экспериментов, направленные на психометрический анализ методики гендерной идентичности, а также выявление наличия или отсутствия связей маскулинности и фемининности с макиавеллизмом личности.

В целом исследование состояло из трех этапов и проводилось в Смоленске, Костроме и Москве.

В экспериментах *первого* этапа принимали участие 277 человек, 150 женщин и 127 мужчин – студенты и люди с высшим образованием разного профиля. Их средний возраст: $M = 23.9$, $SD = 7.7$. $Me = 21$.

Испытуемые заполняли российскую версию методики С.Л. Бем на измерение гендерной идентичности личности – МИГИ в адаптации В.А. Лабунской и М. В. Бураковой [4]. По результатам каждого испытуемого у меня есть таблица первичных данных.

В экспериментах *второго* этапа в исследовании приняли участие 410 испытуемых в возрасте от 16 до 56 лет, но в основном студенты: $M = 21$, $SD = 9.09$. $Me = 24.1$. Средний возраст 197 мужчин ($M = 28.4$, $SD = 11.55$) значимо ($p < 0.01$) превышал возраст 213 женщин ($M = 20.1$, $SD = 1.80$).

Сначала испытуемые заполняли опросник МИГИ, затем шкалу Мак-IV [12].

Эксперименты *третьего* этапа по разработанной мной программе в рамках дипломных работ в Москве и Костроме проводили Н.А. Сысоева и Т.А. Москвина. Испытуемыми были студенты различных факультетов гуманитарного и естественнонаучного профиля МГУ им. М.В. Ломоносова, КГУ им. Н.А. Некрасова и КГТУ. Всего в исследовании приняли участие 212 человек (104 мужчины и 108 женщин) в возрасте от 16 до 26 лет ($M = 20.1$, $SD = 1.77$).

Сначала испытуемым предлагалось анонимно заполнить три опросника: Мак-шкалу, МИГИ, Личностный дифференциал, а затем прочесть текст, описывающий одну из дилемм Л. Колберга:

“Джуди – 12-летняя девочка.... Мать обещала ей, что она могла бы пойти на специальный рок-концерт в их городе, если девочка скопит деньги на билет, работая приходящей няней и немного экономя на завтраке. Она скопила 15 долларов на билет, да еще дополнительно 5 долларов. Но мать изменила решение и сказала Джуди, что та должна потратить деньги на новую одежду для школы. Джуди была разочарована и решила любым способом пойти на концерт. Она купила билет, а матери сказала, что заработала всего 5 долларов. В среду она пошла на представление, а своей матери сказала, что провела день с другом. Через неделю Джуди рассказала своей старшей сестре, Луизе, что она ходила на концерт, а матери солгала. Луиза раздумывала, сказать ли ей матери о поступке Джуди” [1, с.15].

После ознакомлением с этой историей испытуемые письменно отвечали на вопросы:

1. Должна ли Луиза рассказать матери, что Джуди солгала о деньгах или промолчать?
2. Важно ли сдержать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова?
3. Как бы Вы поступили на месте Луизы: сказали матери правду или нет?

Предполагалось, что испытуемые, различающиеся по полу, гендерной идентичности и личностным характеристикам по-разному будут понимать ситуацию морального выбора и, соответственно, неодинаково ответят на вопросы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На *первом этапе* после заполнения испытуемыми МИГИ в дополнение к определенным В.А. Лабунской и М.В. Бураковой психометриче-

ским характеристикам методики осуществлялся статистический анализ наших результатов. Он был направлен на выявление одномоментной надежности, внутренней согласованности пунктов трех шкал опросника, указывающей на степень однородности состава заданий. Иначе говоря, – отнесенности вопросов именно к таким качествам испытуемых, как маскулинность и фемининность. Внутренняя согласованность определялась с помощью вычисления коэффициента α -Кронбаха.

Для шкалы фемининности $\alpha = 0.839$. Средняя величина коэффициента корреляции между ответами на 10 входящих в шкалу вопросов $r = 0.349$.

Для шкалы маскулинности $\alpha = 0.818$. Коэффициент корреляции $r = 0.315$.

Нейтральная шкала: $\alpha = 0.262$, $r = 0.036$.

Приведенные выше числовые показатели свидетельствуют об очень хорошей внутренней согласованности шкал фемининности и маскулинности. Вместе с тем согласованность нейтральной, маскировочной шкалы, как и следовало ожидать, очень мала.

Вывод: по характеристике одномоментной надежности МИГИ является вполне удовлетворительным инструментом измерения гендерной идентичности.

Основной целью экспериментов *второго этапа* было определение наличия или отсутствия корреляционной связи между показателями гендерной идентичности и макиавеллизма.

Статистический анализ результатов с применением двустороннего критерия Колмогорова-Смирнова обнаружил, что средние показатели фемининности у 213 женщин значимо ($p < 0.001$) превысили те же показатели у 197 испытуемых в мужской выборке ($M = 4.73$ и $M = 4.12$). Однако различия по шкале маскулинности у женщин и мужчин оказались не значимыми ($M = 4.34$ и $M = 4.48$).

Причины недифференцированности современных людей по свойству маскулинности, по-видимому, верно указывает И.С. Клецина, ссылаясь на данные и отечественных, и зарубежных авторов. В массовом сознании постепенно происходит насыщение образа женщины характеристиками, традиционно приписываемыми мужчинам. Данные научных исследований “отражают проявления полоролевой демократизации, которая в основном происходит за счет расширения полоролевого репертуара женщин” [22, с. 459].

Вместе с тем в современном обществе наблюдается и тенденция к феминизации мужчин. В психологии уже проведено несколько исследований, направленных на анализ ее положительного и отрицательного влияния на разнообразные сферы человеческого бытия. В одном из них ис-

пытуемыми были работники российской государственной службы [9]. Его автор, используя целый комплекс психологических методов, выделяет категорию феминизированных мужчин и изучает присущие им способы профессиональной деятельности. По ее мнению, профессиональный стиль деятельности феминизированных мужчин имеет характерные особенности: “Они реже применяют различные формы прямого психологического давления на людей, реже прибегают к прямым формам агрессии в своей профессиональной деятельности...”

При принятии решений по отношению к другим лицам они в большей степени ориентируются на систему межличностных отношений, а не только на суть проблемы. Данная особенность профессиональной деятельности может как повышать эффективность самой деятельности, когда учет мнения окружающих повышает продуктивность принимаемых решений, так и снижать ее, так как окружающие могут склонить феминизированную личность через систему эмпатичных отношений, навязать ей свое решение” [9, с. 7].

Однако “феминизированные черты важны не сами по себе, а в сочетании с другими. Наибольший эффект в профессиональной деятельности, связанной с работой с людьми, достигают лица, обладающие феминизированными чертами личности в сочетании с относительно противоположными чертами. Это позволяет им менять свой стиль деятельности на противоположный в зависимости от ситуации, требований деятельности” [там же, с. 17].

Казалось бы, приведенные выше аргументы свидетельствуют против обоснованности утверждения о том, что фемининность является преимущественно женским качеством, а маскулинность мужским. Однако дополнительный статистический анализ результатов нашего исследования все-таки подтверждает справедливость высказанного суждения.

Из 410 испытуемых фемининных и гиперфемининных (тех, у кого разница между оценками фемининности и маскулинности находится в пределах от 0.4 до 3.8) оказалось 149 человек. Из них 44 мужчины и 105 женщин. Применение как биномиального критерия, так и критерия Колмогорова-Смирнова с вероятностью ошибки $p < 0.01$ дает основание утверждать, что среди фемининных и гиперфемининных субъектов преобладают женщины. Маскулинными и гипермаскулинными (разница между оценками от -0.4 до -3.7) оказались 143 испытуемых – 93 мужчины и 50 женщин. Те же способы статистического анализа приводят к выводу, что среди маскулинных и гипермаскулинных субъектов значимо больше мужчин, чем женщин.

Следовательно, утверждение о том, что маскулинность является преимущественно (но не исключительно) мужским качеством, а фемининность женским, является научно обоснованным.

Теперь перейду к ответу на вопрос о связи гендерной идентичности и макиавеллизма. Среднеарифметические оценки по Мак-шкале и женщин, и мужчин находятся в среднем диапазоне: $M = 74.6$ и $M = 78.0$. Корреляционная матрица смешанной выборки, состоящей из 410 испытуемых, показала: есть отрицательная корреляция между макиавеллизмом и фемининностью ($r = -0.395$), но отсутствует аналогичная связь с маскулинностью.

Практически ничего не изменяет анализ, учитывающий разделение испытуемых по половым и гендерным признакам. У 197 мужчин мак-показатели не связаны с маскулинностью, но отрицательно коррелируют с фемининностью ($r = -0.308$). Так же обстоит дело у 213 женщин, только величина коэффициента немного выше ($r = -0.435$). Следовательно, раздельный анализ подтверждает результаты смешанной выборки: и у женщин, и у мужчин наблюдается отрицательная корреляция макиавеллизма с фемининностью, но отсутствует связь с маскулинностью.

Теперь проанализирую связи макиавеллизма с гиперфеминностью и гипермаскулинностью. Гиперфемининных субъектов в выборке оказалось 82 человека (из них 62 женщины и 20 мужчин), гипермаскулинных – 84 (56 мужчин и 28 женщин). И у тех, и у других значимые коэффициенты корреляции тоже только между макиавеллизмом и фемининностью ($r = -0.279$ и $r = -0.273$). Однако сами оценки по Мак-шкале у гипермаскулинных гораздо более высокие: $M = 80.52$ и $M = 70.96$. $\chi^2 = 315.08$, $p < 0.001$.

Итак, эксперименты подтвердили гипотезу об отрицательной связи между оценками по Мак-шкале и показателями фемининности по МИГИ. Однако предположение о положительной связи макиавеллизма и маскулинности не подтвердилось.

Такие результаты соответствуют данным о меньшей выраженности макиавеллизма у женщин, но противоречат представлениям о макиавеллизме как преимущественно мужской черте личности [12]. Для разрешения противоречия, во-первых, необходим более углубленный анализ факторов, влияющих на формирование гендерной идентичности людей разного пола. Во-вторых, нужно детальнее исследовать сходство и различие поведенческих проявлений макиавеллизма у мужчин и женщин. При этом особое внимание следует обратить на причины и обстоятельства, препятствующие ясному и четкому определению маскулинности-фемининности и макиавеллизма личности.

Количественный и качественный анализ результатов основной серии экспериментов (*третьего этапа* исследования) осуществлялся по нескольким направлениям: поиска половых, гендерных различий, а также определения психологических особенностей испытуемых, ответивших “да” или “нет” на каждый из трех задаваемых вопросов. Для выявления статистически значимых различий между средними указанных групп испытуемых применялись непараметрические критерии Колмогорова–Смирнова и Манна–Уитни.

Прежде чем переходить к конкретному психологическому анализу ответов на вопросы, я кратко рассмотрю содержательную структуру моральной дилеммы Колберга, в значительной степени определяющую характер ее понимания.

В истории, предложенной испытуемым для понимания (включающего нравственную оценку поступков героев), противопоставляются разные моральные нормы и ценности. Испытуемый должен выразить личное отношение к описанным моральным проблемам: основываясь на своей ценностно-смысловой позиции, проинтерпретировать ситуацию в процессе ответов на заданные вопросы. В ситуации выделяются три главные подтемы, которые нужно проинтерпретировать испытуемым: нарушение обещания (мать дала обещание дочери, что та пойдет на концерт, но затем изменила решение); ложь (Джуди солгала матери); доверие (Джуди доверила свою тайну старшей сестре, Луизе). Названные подтемы отражают всем известные моральные нормы, связанные с обыденными представлениями о порядочном человеке: он держит данное слово, говорит правду, не раскрывает доверенные ему чужие секреты.

В сознании разных людей указанные нормы преломляются по-разному, причем в зависимости от ценностно-смысловой оценки ситуации одни нормативные представления могут противоречить другим. Специфика понимания дилеммы зависит от субъективных приоритетов испытуемых. Кроме того, она определяется и социальными нормами и полоролевыми стереотипами, регулирующими психологические отношения между субъектами общения.

Количественный анализ ответов на вопросы. Как я уже упоминал выше, ответы испытуемых на три использованных вопроса дилеммы Колберга однообразно отрицательны. Только 24 человека полагают, что Луиза должна рассказать матери, что Джуди солгала, 188 считают, что ей следует молчать. 68 испытуемых согласны с тем, что важно сдерживать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова; 144 человека с этим не согласны. 187 испытуемых на месте Луизы не сказали бы матери правду и только 25 сказали бы. И биномиальный

критерий, и χ^2 Пирсона, безусловно, покажут во всех трех случаях статистически значимое преобладание отрицательных ответов.

Характерно, что испытуемые, дающие положительные и отрицательные ответы, не отличаются ни по признакам пола, ни гендерной идентичности, ни личностных особенностей. Очевидно, что социальные и культурные нормы, сформировавшиеся в нашем отечестве, оказывают решающее воздействие на представления испытуемых о том, как другим следует вести себя в подобных ситуациях, и какую поведенческую стратегию предпочли бы они сами. Для выявления специфических особенностей понимания дилеммы разными группами испытуемых необходим более детальный анализ полученных данных, фокусирующийся на отдельных использовавшихся в эксперименте переменных. Именно такой анализ я и попытаюсь осуществить.

Половые различия. Выборка состояла из 108 женщин и 104 мужчин, между их результатами были выявлены следующие статистически значимые различия.

У женщин меньше, чем у мужчин, показатели по Мак-шкале ($p < 0.001$; $M = 76.12$ и $M = 80.95$). Однако у них больше: оценки фемининности ($p < 0.001$; $M = 4.52$ и $M = 3.99$); показатели по шкале Оценка “Личностного дифференциала” ($p < 0.01$; $M = 11.22$ и $M = 8.28$); показатели по шкале Активность “Личностного дифференциала” ($p < 0.02$; $M = 6.21$ и $M = 4.26$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0.004$; $M = 0.77$ и $M = 0.59$). Следовательно, женщины выше, чем мужчины, оценивают нравственные и эмоционально-коммуникативные свойства своей личности. Кроме того, они в большей степени убеждены в том, что по отношению к малознакомым людям, с которыми больше никогда не встретишься, надо вести себя честно.

Проанализирую теперь ответы на вопросы к тексту. На вопрос о том, должна ли Луиза рассказать матери о поступке Джуди, большинство испытуемых ответили, что ей следует промолчать. Объясняя причины своего суждения, испытуемые чаще всего обращались к подтеме “доверие”. В первую очередь они обращали внимание не на факт лжи Джуди (считая ложь нормальным, вполне оправданным в этой ситуации поступком), а на межличностные отношения сестер и матери. Испытуемые говорили о том, что, рассказав матери об обмане младшей сестры, Луиза потеряет ее доверие, нарушит доверительные отношения. И мужчины, и женщины полагали, что сохранение тайны Джуди необходимо для хороших отношений между сестрами.

Однако необходимо отметить различия в ответах мужчин и женщин. Мужчины, во-первых, об-

ращали внимание на социальные роли людей, включенных во взаимоотношения, и сравнивали моральный проступок с социально-нормативными представлениями – тем, “как должно быть” (“Потому что она сестра”. “Нельзя делать подлости своим”. “Не надо выдавать членов своей семьи, это противоречит законам человеческого общежития”. “Это собственные деньги Джуди. Родители должны обеспечивать своих детей, а не требовать их деньги”. “Это секрет Джуди и Луизы, а секреты должны держаться в тайне”). Во-вторых, мужское понимание дилеммы основано на представлении о праве субъекта на самостоятельность в принятии решений и контролировании ситуации морального выбора. Характерно, что они не узурпируют право самостоятельного решения, а признают и права других людей (“Если Джуди захочет рассказать, то она сама должна это сделать”. “Каждый сам выбирает, как ему поступать”. “Это в принципе не ее (Луизы) дело”. “Это деньги Джуди и только она решает, что с ними делать”).

Женщины акцентировали внимание на психологической, интимно-личностной стороне взаимоотношений героев. Женскому пониманию ситуации присуща диалогичность, оно реализуется в категориях Я и Она (Они). Для женщин важно сохранить и не разрушить связь с другими людьми. В обсуждаемой ситуации ложь расценивается ими как меньшее зло, нежели разрушение психологических отношений (“Ей доверили тайну, говоря правду, она тем самым подставит сестру, и этот поступок может разрушить отношения Джуди с матерью”. “Сестры доверяют друг другу и не хотели бы испортить отношения”. “Из-за пустяка можно серьезно испортить отношения с сестрой, потерять доверие”. “Если сестре рассказали эту историю, то ей доверили и ждали молчания”).

Только 24 человека ответили на этот вопрос “да”, т.е. они считают, что Луиза должна все рассказать матери. Женщины объясняли это воспитательными целями (“Чтобы Джуди так больше не делала”), а мужчины тем, что проблему можно решить совместно, разобравшись откровенно (“В нормальной семье родитель поймет ребенка, а ребенок – поймет реакцию родителя на открытую правду: после разбора ситуации впредь лгать никто не будет”).

Напомню второй вопрос: “Важно ли сдерживать обещание, данное кому-то, кого вы хорошо не знаете и вероятно не увидите снова?”. Те, кто ответили на него “нет” (преимущественно мужчины), объясняют свою позицию тем, что иногда бывают обстоятельства, когда обещание невозможно или даже уже не нужно выполнять. Таким образом, вина за невыполнение обещания снимается с себя и переносится на обстоятельства. Здесь трудно не провести аналогии с хорошо изве-

стной в социальной психологии “фундаментальной ошибкой атрибуции”. Объясняя чье-либо поведение, мы недооцениваем влияние ситуации и переоцениваем степень проявления установок и черт личности человека, совершающего какие-то действия. Совсем иначе мы оцениваем точно такие же действия, совершенные нами. “Мы совершаем основную ошибку атрибуции, интерпретируя поведение *других людей*. Мы часто объясняем свое собственное поведение с точки зрения ситуации, но считаем, что другие несут ответственность за свое поведение” [18, с. 107].

Проанализирую теперь ответы испытуемых, положительно ответивших на вопрос. Мужчины подчеркивают, что есть моральные нормы, согласно которым нарушать обещание недопустимо (“Слово дал – слово держи”. “Надо вести себя честно, иначе не сохранить репутацию”). Следовательно, для них важно, что нарушение обещания может повлечь ухудшение репутации и в итоге – общественного положения.

Женщин больше заботит самоуважение и то, как нарушенное ими обещание отразится на другом человеке. (“Чтобы сохранить уважение к себе, необходимо сделать ответственность постоянным правилом жизни”. “Ради собственного достоинства”). Если нарушить обещание, то можно потерять доверие человека. (“Это сохраняет хорошие взаимоотношения и укрепляет доверие между людьми”. “Нарушение обещания – предательство, недопустимое тем более, если человек действительно близкий”). Интересно, что при уменьшении степени близости с человеком отношение женщин к нарушению или невыполнению обещания меняется. В результате получается, что обещание, данное незнакомому человеку, вовсе не обязательно неукоснительно исполнять.

Ближние отношения между людьми в социальной психологии получили название “психологической дистанции”, которая и на теоретическом, и на экспериментально-методическом уровне тщательно проанализирована в работах А.Б. Купрейченко [8, 16]. Ее данные позволяют пролить свет на некоторые из психологических причин ответов, даваемых испытуемыми после ознакомления с дилеммой Колберга.

В общении и деятельности ориентация женщин на достижение субъективно значимого результата приводит к тому, что с увеличением психологической дистанции у них сильнее, чем у мужчин, изменяется уровень отношения к соблюдению нравственных норм. Например, мужчины и женщины демонстрируют различный характер гибкости уровня правдивости. “Если у мужчин уровень изменяется плавно, то у женщин уровень правдивости резко падает в отношениях со вторым кругом (друзья, сподвижники, сотрудники, непосредственный руководитель), а в отношении

ях с самым далеким кругом женщины даже несколько правдивее мужчин (см. ответы на второй вопрос в нашем эксперименте – В.З.), то есть у женщин отношение к соблюдению норм правдивости изменяется *неравномерно* с ростом психологической дистанции” [8, с. 309–310].

Таким образом, наряду с уже перечисленными многими характеристиками внутреннего мира понимающего субъекта – стремление следовать общеизвестным моральным нормам, боязнь потери репутации, самоуважение, опасение причинить вред другому человеку – при анализе понимания описанных в тексте поступков и взаимоотношений героев необходимо учитывать еще одну. Психологическая дистанция играет значимую роль в понимании допустимых пределов правдивости и представлений о справедливости в межличностных отношениях. Мужское и женское понимание нравственных коллизий различаются и зависят от психологической близости субъекта с тем, кому он (она) говорит правду или лжет, чьи поступки понимает, оценивает, оправдывает или осуждает.

Ответы на третий вопрос к экспериментальному тексту (“Как бы Вы поступили на месте Луизы: сказали матери правду или нет?”) содержательно мало чем отличаются от ответов на первый. Это означает, что те испытуемые, которые считают, что надо сказать правду, как правило, утверждают, что и сами поступили бы так же, и наоборот. Коэффициент корреляции Спирмена между результатами ответов на первый и третий вопросы $r = 0.562$.

Итак, в ходе анализа ответов на вопросы были выявлены некоторые специфические отличия понимания ситуации морального выбора мужчинами и женщинами. И те, и другие в основном оправдывали моральный проступок героини, но объясняли это разными причинами. Мужчины при понимании и интерпретации ситуации больше внимания уделяли социальным позициям субъектов общения, для них более важным оказывалось положение человека в системе социальных ролей. Им в большей степени, чем женщинам, было свойственно соотносить поступки людей с их социальными ролями, а также правилами, которые этим ролям приписываются. Женщины больше внимания обращали на психологические характеристики взаимодействующих людей (степень доверия, близость, стабильность отношений), а также на эмоции и чувства участников общения (сочувствие, обида, радость за другого и др.).

Маскулинность и фемининность. Для получения данных контрастных групп я проанализировал результаты испытуемых, у которых наиболее выражена маскулинность и фемининность. Сравнение данных 58 гипермаскулиных субъектов (из них 35 мужчин и 23 женщины) и 31 гиперфе-

мининного (6 мужчин и 25 женщин) показало следующее.

У гипермаскулиных выше, чем у гиперфемининных, показатели по Мак-шкале ($p < 0.004$; $M = 81.72$ и $M = 73.90$) и по шкале Сила “Личностного дифференциала” ($p < 0.001$; $M = 10.91$ и $M = 4.55$). Вместе с тем у них ниже: показатели по шкале Активность “Личностного дифференциала” ($p < 0.001$; $M = 9.39$ и $M = 12.56$) и оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0.01$; $M = 0.62$ и $M = 0.87$).

Обращают на себя внимание следующие характерные особенности понимания и интерпретации ситуации гипермаскулиными и гиперфемининными субъектами. Они приводят объяснения, сходные с интерпретацией ситуации мужчинами и женщинами, но несколько иначе расставляют акценты.

Испытуемые гипермаскулиного типа имеют более высокие показатели по шкале макиавелизма. Они оправдывают поступок Джуди и считают, что она имела моральное право на ложь. Причина: мать обещала, но не сдержала обещание, т.е. нарушила “правила игры” (“Она выполнила свою часть договора с матерью”. “Матери не стоило менять решение”). Гиперфемининные субъекты дают такие же ответы, но по другой причине. Практически единогласно они признают право Джуди на самостоятельное решение куда потратить деньги. (“Эти деньги она специально зарабатывала именно для концерта, а не для одежды”. “Мать обещала Джуди, что разрешит пойти на концерт, тем более эти деньги девочка заработала сама”).

Гипермаскулиные испытуемые считают, что обещание сдерживать не обязательно, если это тебе не принесет выгоды (“Это маневр для получения необходимой информации”. “Люди всегда многое обещают, чтобы достичь собственной цели, поэтому обещание не обязательно сдерживать, так как этого человека я больше не увижу”. “Мое обещание незнакомому человеку – это манипуляция им. Получив свое, обещание теряет свою значимость”. “Я с этого не могу ничего иметь, тем не менее, придется затратить собственные силы на выполнение этого обещания”).

И наоборот, если эти испытуемые и согласны выполнить обещание, то только при условии, что смогут извлечь для себя личную выгоду. (“Этот человек мне может пригодиться когда-нибудь”. “Так как это может быть выгодно мне”).

Гиперфемининные субъекты положительный ответ на вопрос обосновывают не выгодой, а самоуважением, основанным на осознании правильности, безусловной необходимости выполнения моральных норм (“Для того, чтобы держать себя в определенной моральной форме”. “Это не

зависит от степени уверенности в человеке, просто даешь обещание и выполняешь его, обещание есть обещание". "Это укоренено в сознании человека". "Это заложено в общественной морали, это принцип жизни"). Нарушенные обещания в общем и целом разрушают отношения с другими людьми, даже не близкими тебе. ("Нельзя играть чувствами человека и человеческим доверием". "Иногда обещание может быть жизненно важным для другого человека, того, кого я не увижу". "Невыполнение обещания разбивает надежды других". "Своим обманом ты можешь глубоко ранить человека").

Таким образом, гипермаскулинным субъектам при понимании и интерпретации предложенной ситуации более свойственны обращения к сложившимся у них представлениям о справедливости, морально и социально должном. Для них во взаимоотношениях важны социальные роли и правила, которые следует выполнять. Гиперфемининные испытуемые менее категоричны, ориентированы при понимании и оценке ситуации скорее на сами взаимоотношения, их качественные характеристики, такие, как стабильность, доверительность, близость. При интерпретации они чаще обращаются к чувствам, эмоциям и переживаниям участников ситуации (обида, сочувствие, вина).

Макиавеллизм личности. Сравнительный анализ полярных групп испытуемых по Мак-шкале: 54 человека из нижнего квартиля (оценки 48–70) и 53 из верхнего (87–107). У слабо выраженных макиавеллистов больше: оценки фемининности ($p < 0.001$; $M = 4.62$ и $M = 3.88$); показатели по шкале Оценка "Личностного дифференциала" ($p < 0.01$; $M = 11.88$ и $M = 7.64$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0.001$; $M = 0.85$ и $M = 0.47$). Однако у них ниже показатели по шкале Активность "Личностного дифференциала" ($p < 0.05$; $M = 4.37$ и $M = 7.47$).

Следовательно, по результатам эксперимента нельзя сказать, что субъекты с более высокими показателями по шкале макиавеллизма при понимании и оценке ситуации морального выбора в большей степени, чем испытуемые с низкими оценками по Мак-шкале, оправдывают ложь. Однако они в меньшей степени склонны выполнять обещание, данное малознакомому человеку.

Самооценка нравственных качеств личности. Теперь сравню результаты 54 испытуемых с низкими показателями Оценки по "Личностному дифференциалу" (меньше 6) и 56 – с высокими (больше 13).

У 54 больше, чем у 56, показатели по Мак-шкале ($p < 0.01$; $M = 82.37$ и $M = 72.64$). Однако у них меньше: оценки фемининности ($p < 0.001$; $M = 3.82$ и $M = 4.63$); показатели по шкале Сила

"Личностного дифференциала" ($p < 0.05$; $M = 5.09$ и $M = 9.20$); показатели по шкале Активность "Личностного дифференциала" ($p < 0.03$; $M = 3.05$ и $M = 6.12$); оценки согласия с тем, что надо выполнять обещание, данное малознакомому человеку ($p < 0.07$; $M = 0.59$ и $M = 0.75$).

Обращает на себя внимание тот факт, что приведенные выше числовые показатели почти в точности копируют данные мужчин и женщин. У последних тоже выше самооценка нравственных качеств личности. Соответственно, сходны ответы, даваемые этими двумя группами испытуемых: содержательные различия есть только по вопросу об обещании.

* * *

Итак, все три выдвинутые в исследовании гипотезы количественно подтвердились лишь частично и скорее во второстепенном, чем главном пункте. И женщины, и фемининные субъекты, и люди с низкими показателями по шкале макиавеллизма, и испытуемые с высокой самооценкой нравственных качеств личности оправдывали ложь главной героини. Их склонность к честному поведению проявилась лишь в убеждении в том, что нужно выполнять обещания, даваемые малознакомым людям.

Очевидно, что отраженные в гипотезах выбранные переменные не играли главной роли в формировании понимания конкретной моральной дилеммы Колберга. Гораздо большее влияние на понимание оказали распространенные в русской культуре представления о "нормальности" лжи как вполне допустимого в межличностных отношениях способа достижения справедливости. Вместе с тем качественный анализ содержания ответов испытуемых подтверждает выдвинутые гипотезы. Мужчины и женщины, маскулинные и фемининные субъекты, люди с низкими и высокими показателями по шкале макиавеллизма, испытуемые с высокой и низкой самооценкой нравственных качеств личности совершенно по-разному объясняют причины формально одинаковых ответов. Следовательно, можно ожидать, что в менее культурно зависимых ситуациях половые, гендерные и личностные детерминанты формирования понимания будут более очевидными и легче выявляемыми в психологических экспериментах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анцыферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психол. журн. 1999. № 3. С. 5–17.
2. Берн Ш. Гендерная психология. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.

3. Большой толковый словарь русского языка/Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.
4. Буракова М.В. Интерпретация маскулинности-фемининности внешнего облика субъекта общения. Автореф. дис. ...канд. психол. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 2000.
5. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
6. Грошев И.В. Психология половых различий: Монография. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
7. Ежегодник Российского психологического общества: Материалы III Всероссийского съезда психологов. 25–28 июня 2003 года. В 8 т. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003.
8. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. М.: Институт психологии РАН, 2003.
9. Зингер Т.Э. Влияние феминизированных черт личности мужчин на их профессиональную деятельность в системе госслужбы: Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: РАГС, 2002.
10. Знаков В.В. Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психол. журн. 1997. № 1. С. 38–49.
11. Знаков В.В. Послесловие. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана // Экман П. Психология лжи. СПб.: Питер, 1999. С. 243–268.
12. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности. М.: Смысл, 2001.
13. Иванченко Г.В. Реальность Паблик рилейшнз. М.: Смысл, 1999.
14. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2002.
15. Краткий психологический словарь / Ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов-на-Дону: Феникс, 1988.
16. Купрейченко А.Б. Отношение личности к соблюдению нравственных норм в зависимости от психологической дистанции (у предпринимателей и менеджеров): Автореф. дис. ...канд. психол. наук. М.: ИП РАН, 2001.
17. Лабунская В.А. Социально-психологический подход к изучению маскулинности-фемининности личности // Личность и бытие: Теория и методология. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2003. С. 107–112.
18. Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер, 1997.
19. Морган К., Морган М. Половые различия в применении технологий // Гуманитарные исследования в Интернете / Под ред. А.Е. Войскунского. М.: Можайск-Терра, 2000. С. 267–289.
20. Мэй Р. Сила и невинность: в поисках истоков насилия. М.: Смысл, 2001.
21. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1988.
22. Практикум по гендерной психологии / Под ред. И.С. Клециной. СПб.: Питер, 2003.
23. Edwards R. The effects of gender, gender role, and values on the interpretation of messages // J. of Language and Social Psychology. 1998. V. 17. № 1. P. 52–71.
24. Krampen G., Effertz B., Jostock U., Muller B. Gender Differences in Personality: Biological and/or psychological? // European J. of Personality. 1990. V. 4. № 4. P. 303–317.
25. Maccoby E.E. Gender and relationships // American Psychologist. 1990. № 4. P. 513–520.
26. Maccoby E.E., Jacklin C.N. The Psychology of Sex Differences. Stanford: Stanford University Press, 1974.
27. Reber A.S. The Penguin Dictionary of Psychology. London: Penguin Books, 1985.

SEX, GENDER AND PERSONAL DIFFERENCES IN UNDERSTANDING OF MORAL DILEMMA

V. V. Znakov

Dr. sci. (psychology), professor, Deputy Director of IR RAS, Moscow

There are presented the results of theoretical and empirical research of sex, gender and personal differences in understanding of Kohlberg's moral dilemma. First part of research revealed high internal consistency of the Bem Sex Role Inventory scales (Russian adaptation) (277 Ss). In the second part of research (410 Ss) there were shown that mean rate of feminine indices are greater significantly in women (213 Ss) then in men (197 Ss) but masculine indices didn't differ significantly. Masculinity was statistically founded to be mainly (but not exceptionally) male characteristic and femininity – female one. Third part of research (212 Ss) proved the hypotheses partially. There weren't shown any quantitative difference in replies to dilemma questions but the great variety of types of moral dilemma understanding was found. Man and women, masculine and feminine subjects, people with low and high machiavellism rate as well as with low and high self-esteem of moral personal traits do explain the reasons of formally the same replies absolutely differently.

Key words: understanding, situation, moral dilemma, sex, gender, masculinity, femininity, machiavellism.